DOI: 10.33280/3034-3216.2025.11.80.003

Игорь Нарский, Наталья Нарская

«Стоит береза фронтовая»: древесное место памяти о Великой Отечественной войне в советской литературе

"The Front-Line Birch Stands": the Place of Remembrance of the Great Patriotic War in Soviet Literature

Нарский Игорь Владимирович
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, Пермь
inarsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5144-5435

Нарская Наталья Васильевна
Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске
Россия, Челябинск
bredihina_natalya@mail.ru
ORCID: 0009-0009-1133-080X

Narskii Igor V.
Perm State University
Russia, Perm
inarsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5144-5435

Narskaya Natalya V.
Department of the Air Force Military Training and Research Centre Air Force "Air Force Academy" in Chelyabinsk
Russia, Chelyabinsk
bredihina_natalya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5144-5435

Аннотация. Вопросы, поставленные в статье, можно сформулировать следующим образом: было ли превращение березы в символ России исключительно успешным советским проектом или такая репрезентативность «русского дерева» в советскую эпоху стала лишь кратким эпизодом в его долгой истории? Какую роль в формировании культа русской березы сыграл опыт Великой Отечественной войны, запечатленный в стихах и песнях о ней? Стихотворения ветеранов и детей войны о пережитом образуют базовый материал для изучения того, как береза превратилась сначала во «фронтовое», а затем в «русское дерево». Эта образно-смысловая динамика рассматривается в лаконично очерченном контексте изображений «фронтовой березы» в советской литературе и березы в российской классической поэзии XIX в. Поэтические образы «фронтовой березы» исследуются в статье — настолько, насколько это позволяет источниковый материал и рамки текста, — с учетом их рецепции читателями, а также сопоставляются с образами березы, циркулировавшими среди участников и современников войны. Авторы

Abstract. Was the transformation of the birch into a symbol of Russia a successful Soviet project, or was the Soviet success only a brief episode in the long history of the "Russian tree"? What role did the experiences of the Great Patriotic War, which were recorded in poems and songs about it, play in the emergence of the cult of the birch as a "Russian tree"? Poems by war veterans and war children about their experiences form the basic material for examining the transformation of the birch into a "front-line birch" and then into a national symbol. They are analyzed in the briefly outlined context of the emergence of images of the "front-line birch" in Soviet literature and of images of the birch in classical Russian poetry of the 19th century. The poetic images of the "front-line birch" are examined in the article taking into account their reception by readers and in comparison with the images of the birch circulating among war participants and contemporaries. Classical Russian culture of the 19th century was unable to become a permanent part of the controversial, invented tradition. Through the efforts of

приходят к выводу, что за несколько десятилетий мужчины-фронтовики, а также возмужавшие дети и подростки войны в поэзии и прозе создали образ «фронтовой березки». Классическая же российская культура XIX в. по ряду причин не могла стать прочным звеном спорной, изобретенной традиции почитания березки как национального символа России. Береза стараниями деятелей культуры из поколений участников и свидетелей войны превратилась в кладовую смыслов, из которой по желанию и надобности можно было черпать дорогие и полезные образы. Фронтовики придали процессу превращения березы в «русское дерево» новый, небывалый импульс.

Ключевые слова. Береза, Великая Отечественная война, Россия, СССР, национальная идентичность, советская литература, советская поэзия, образ.

Для цитирования: *Нарский И. В., Нарская Н. В.* «Стоит береза фронтовая»: древесное место памяти о Великой Отечественной войне в советской литературе // Культурная история. 2025. № 2. С. 95–119.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.11.80.003

cultural creators from generations of war participants and witnesses, the birch became a storehouse of meaning from which valuable and useful images could be drawn at will and when needed. The veterans gave a new, unprecedented impetus to the process of transforming the birch into a "Russian tree".

Keywords. Birch tree, Great Patriotic war, Russia, USSR, national identity, Soviet literature, Soviet poetry, image.

For Citation: Narskii I. V., Narskaya N. V. "The Front-Line Birch Stands": the Place of Remembrance of the Great Patriotic War in Soviet Literature, in: *Cultural History*. 2025. No. 2. P. 95–119.
DOI: 10.33280/3034-3216.2025.11.80.003

Война, береза и национальная гордость: к постановке проблемы

В опубликованном в 2011 г. тематическом спецномере «Нового литературного обозрения» — «СССР: социалистический по форме, национальный по содержанию» — историк культуры Никита Брагинский утверждал, что советские «песни в борьбе за мир» умалчивали о национальном. Среди других примеров, доказывающих, по мнению автора, справедливость его тезиса об отсутствии национального дискурса в советской песне, посвященной миролюбивой политике СССР в годы холодной войны, Брагинский привел песню «Хотят ли русские войны?», название которой он выбрал в качестве заглавия своей статьи[1]. Напомним читателю первый куплет песни: «Хотят ли русские войны? / Спросите вы у тишины / над ширью пашен и полей / и у берез и тополей. / Спросите вы у тех солдат, / что под березами лежат, / и пусть вам скажут их сыны, / хотят ли русские войны»[2]. Несмотря на то, что в стихах опыт Великой Отечественной войны называется русским, поэт, по мнению Брагинского, следовал неписаному правилу игнорирования национальных маркеров: «Слово “русские” в данной песне является лишь ироничной цитатой и обратным переводом слова “Russians” из отсталого капиталистического дискурса»[3].

---

1 См.: *Брагинский Н. В.* Хотят ли русские войны? Советские «песни в борьбе за мир»: Национальность как анахронизм // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/hotyat-li-russkie-vojny-sovetskie-pesni-v-borbe-za-mir-naczionalnost-kak-anahronizm.html (дата обращения: 07.09.2025).

2 *Евтушенко Е.* Хотят ли русские войны? // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1952–1964. М., 1983. С. 315.

3 *Брагинский Н. В.* Хотят ли русские войны?

Композиция «Хотят ли русские войны?» действительно годится на роль образца антивоенной советской песни и в этом смысле может служить «тяжелой артиллерией» при поддержке той или иной авторской концепции. Во-первых, песня оказалась плодом усилий трех авторитетных в годы оттепели деятелей советской культуры: композитора Эдуарда Колмановского, поэта Евгения Евтушенко и певца Марка Бернеса. Причем Бернес был не только первым ее исполнителем, но и активным участником процесса создания и музыки, и стихов к ней[4]. Во-вторых, в 1960-е гг. песня пользовалась у советских слушателей очень большой популярностью и с 1961 г. регулярно транслировалась по центральному радио, имевшемуся практически в каждой семье. В-третьих, ее продвигали как достойный советский культурный продукт за пределы страны. То есть считали ее идеологически «правильной». В 1962 г. делегаты Международного конгресса за всеобщее разоружение и мир в Москве в качестве сувениров получили пластинки с записью песни «Хотят ли русские войны?» в исполнении Георга Отса на четырех языках. Судя по реакции на песню участников VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки, проходившего двумя неделями позже, музыкальное произведение к тому времени уже было хорошо известно «прогрессивной молодежи» за пределами СССР.

Вопросы, поставленные в статье, можно сформулировать следующим образом: было ли превращение березы в символ России успешным советским проектом, или такая репрезентативность «русского дерева» в советскую эпоху стала лишь кратким эпизодом в его долгой истории? Какую роль в этом проекте играли стихи и песни о Великой Отечественной войне? Песня Колмановского на слова Евтушенко «Хотят ли русские войны?» представляется эффектным артефактом для введения в статью о беспрецедентной роли — таково центральное положение данного исследования — опыта Великой Отечественной войны в формировании культа березы как «русского дерева». В этом смысле интерпретация песни здесь прямо противоположна утверждению Брагинского: «Хотят ли русские войны?» — один из известнейших и успешных образцов позднесоветской культуры, в котором русская национальная коннотация присутствует предельно

4 Подробнее см.: Марк Бернес в воспоминаниях современников. М., 2005. С. 303, 327, 356.

интенсивно. Стихотворение Евтушенко по праву может быть отнесено к самым популярным произведениям советской поэзии на военную тему, где образы Великой Отечественной войны и березы оказались неразрывно связаны. Стихи ветеранов и детей войны о пережитом образуют базовый материал для изучения того, как береза превратилась сначала во «фронтовое», а затем в «русское дерево». Эта образно-смысловая динамика рассматривается в лаконично очерченном контексте изображений «фронтовой березы» в советской литературе и березы в российской классической поэзии XIX в. Поэтические образы «фронтовой березы» будут анализироваться — насколько позволяет источниковый материал и жанр статьи, — с учетом их рецепции читателями, а также сопоставляться с образами березы, циркулировавшими среди участников и современников войны.

Кладезь образов «фронтовой березы»

В июне 2021 г. блог челябинских библиотек «ВО!круг книг» под руководством Ирины Беляевой опубликовал более трехсот стихов и песен о березе на русском языке. В собрании присутствуют стихи поэтов XIX столетия, советских и современных литераторов, стихи для детей[5]. Три с половиной десятка текстов были опубликованы под рубрикой «Березы и война». Летом 2024 г. собрание в блоге стихов и песен (в том числе о войне) увеличилось примерно вдвое. Конечно, и эта подборка неполна[6]. Но есть основания считать ее достаточно репрезентативной. Авторы стихов о войне и березах, представленных в библиотечном блоге, принадлежат к поколению фронтовиков (1905–1927 гг. рождения) и детей войны (родившиеся в 1928–1945 гг.); соотношение между авторами военных поколений и авторами довоенного и послевоенного поколений — четыре к одному, среди них абсолютно преобладают мужчины.

5 ВО!круг книг. Блог Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина и библиотек Челябинска. URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/250-60.html (дата обращения: 07.09.2025).

6 Поисковик сайта «Национальный корпус русского языка» находит, например, отсутствующие в челябинском библиотечном блоге стихотворения, в которых образ фронтовой березки является центральным: Богатков Б. А. «... Не просил ли я...» (1943); Деген И. Л. «Команда, как нагайкой: — По машинам!» (1944).

Таблица 1[7]. Половозрастной состав авторов советских стихов и песен о березе

Годы рождения авторов:		**До 1905**	Фронтовое поколение **(1905–1927)**		Дети войны **(1927–1945)**	Послевоенные поколения **(1946–1970)**
			1905–1917	1918–1927		
Авторов «взрослых» стихов и песен о березах		17	49	51	67	5
В том числе авторов стихов о березах на войне		3	21	20	11	2
Пол авторов «взрослых» стихов и песен	М	17	45	49	64	4
	Ж	—	3	2	3	1
В том числе авторов стихов о березах на войне	М	3	20	19	11	1
	Ж	—	—	1	—	1

Большинство стихов, в которых военный опыт соединяется с образом березы, возникло после войны.

Таблица 2. Хронология советских и постсоветских стихов и песен о березе

Годы создания / публикации стихов / песен о березах	**1917–1920**	**1921–1930**	**1931–1940**	**1941–1950**	**1951–1960**	**1961–1970**	**1971–1980**	**1981–1991**
«Взрослых» стихов и песен	1	2	2	24	45	70	98	64
В том числе стихов и песен о березе на войне	—	—	1	18	9	9	10	10

7 Таблицы 1 и 2 составлены по материалам челябинского библиотечного блога «ВО!круг книг», дополненного в 2024 г. его создательницами И. В. и О. В. Беляевыми; см. сноску 5.

Оценка эстетических качеств этих стихов не входит ни в компетенцию авторов, ни в круг исследовательских задач. Цитируются поэтические произведения, многие из которых кажутся весьма посредственными, не для демонстрации их поэтических достоинств, а с целью показать, что превращение березы в символ Родины длилось десятилетия. Во «фронтовых» военных и послевоенных стихах встречаются различные образы березы. Их многообразие отражает непростую историю березы как «русского дерева» и одновременно объясняет причины популярности этого национального символа.

Прежде чем начать обзор стихов о войне, опубликованных в челябинском библиотечном блоге, стоит упомянуть произведение, отсутствующее в этой подборке. Стихотворение Константина Симонова «Родина» можно рассматривать как яркий пример поэтического перемасштабирования понятия Родины: из пространства «от края до края» в «пядь земли». Примечательно, что образ «трех берез» как символа малой родины первоначально в стихотворении отсутствовал[8]:

Версия 1940 г.	**Версия 1941 г.**
И каждый раз, сюда вернувшись снова, Я знаю: можно голодать, страдать, Но эту реку, этот бор сосновый При жизни никому нельзя отдать.	Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы, Да, можно голодать и холодать, Идти на смерть… Но эти три березы При жизни никому нельзя отдать[9].

Наличие версии «Родины» без берез в финале не умаляет роль Симонова в создании образа березы как маркера русской Отчизны. Напротив, вариант стихотворения 1941 г. свидетельствует о пластичности поэта в условиях начавшейся войны. Семантический канон «березовой Родины», созданный Симоновым, оказался очень влиятельным. Подборка в блоге челябинских библиотек об этом свидетельствует.

8 *Симонов К.* Родина // Литературный современник. 1940. № 5–6. С. 79; цит. по: *Хомяков В.* История одного стихотворения // Рязанские ведомости. 2020. № 94. 4 декабря. URL: https://rv-ryazan.ru/istoriya-odnogo-stixotvoreniya/ (дата обращения: 07.09.2025).

9 *Симонов К.* Родина // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1979. С. 90.

В стихотворении «Березка» Якова Шведова, военного корреспондента в годы Великой Отечественной войны (автора слов к культовым советским песням «Орленок», 1936 и «Смуглянка», 1940), прослеживается влияние симоновского текста — здесь поэт, глядя на березку во время боя, вспоминает малую родину:

> Среди полей на перекрестке / Взлетел крылатый столб огня. / Снаряд ударил в ствол березки, / А показалось, что в меня. // В июльский полдень, под обстрелом, / Я вспомнил детство, отчий дом, / Березку, что легко шумела / Своей листвою под окном. // Я вспомнил, как она собою / Нам украшала бедный сад, / Сквозная, чистая весною / И золотая — в листопад. // ...Пусть пулеметы снова брызнут / Смертельным яростным огнем, / В бой за березку, за Отчизну, / За солнце яркое идем! // Идем за милый край отцовский, / И если сгинем мы в боях, / То пусть товарищи березку / У нас посадят в головах. // Не надо почестей и тризны / Погибшим в схватках боевых, / Им слово краткое — «Отчизна» / Дороже было слов иных. // Идет огонь на нас стихией, / Летит трассирующих нить... / Березка, солнце и Россия / Живут и вечно будут жить[10].

Вместе с образом малой родины, представленной березкой, здесь, в стихотворении, созданном в 1943 г., присутствуют и другие образы «фронтовой березки», ставшие ключевыми в военной поэзии: береза как символа Родины, находящейся в смертельной опасности и нуждающейся в защите; раненая береза, своим телом защитившая бойца; береза как траурное место памяти о павших героях, как органическое воплощение Родины. Во всех этих случаях березу и Россию невозможно помыслить друг без друга. Обратимся к отдельным ипостасям образа березки во фронтовой поэзии.

10 *Шведов Я. З.* Березка (1943). Здесь и далее, если не указано иное, цитируется по: ВО!круг книг. URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2021/06/35.html (дата обращения: 07.09.2025).

«Раненая береза» в поэзии

> Дрожит березка тонкая в цвету, / Густые ветви гарью припорошены, / И в этом громыхающем аду / Она пушинкой кажется заброшенной. // И танки, все сметая на пути, / В железной, справедливой исступленности, / Стараются березку обойти. / Безмерна власть ее незащищенности[11].

Поэт-любитель Ной Рудой, видный ученый-фтизиатр, организатор здравоохранения, участник и инвалид войны изобразил Родину в образе молодой цветущей березки, почерневшей от гари пожарищ и дрожащей посреди грохочущего ада сражения.

Этот образ имеет давнюю традицию: он встречается в поэзии и прозе военных и послевоенных лет. Под пером татарского поэта, участника Великой Отечественной войны Гиза Эль-Габида нейтральная полоса на поле боя благодаря стоящей на ней обгоревшей березке-ориентиру становится родной:

> Ни былинки на ней… / И вдруг… / С парой к небу воздетых рук, / Заломив их в немой мольбе, / Оголенное в худобе, / На сожженной земле дотла / Почернелое деревцо… / Где-то есть на земле крыльцо, / И девчонка светлым-светла… / И березу должны любить, / Белотелую, у ручья… / И такого не может быть, / Чтоб лежала земля / Ничья[12].

Мотив березы посреди поля боя, символизирующей Родину в опасности, встречается и в других стихах участников войны. Например, в стихотворении «Береза» поэта и сценариста Сергея Орлова: «Тонкая российская береза / Посредине полымя, огня, / Ничего, что небольшого роста, / Встала, к небу голову подняв»[13]. Якуб Кулмый (Кульмухаметов), башкирский поэт и журналист, в автобиографическом стихотворении «То ли ветер в глаза, то ли слезы…» рассказывает о том, как солдат через много лет после войны снова оказывается около фронтовой березы, которая когда-то спасла его от смерти, и теперь уже он готов защищать и оберегать Родину-березу: «Притаились далекие грозы. / Тишина

---

11 *Рудой Н.* В атаке наши танки… (1988).
12 *Эль-Габид Г.* Березка (1944).
13 *Орлов С.* Тонкая российская береза… (1944).

в подмосковном лесу… / Если что, ты надейся береза: / Заслоню, обогрею, спасу»[14]. Поэт Сергей Васильев, военный журналист в годы войны, в стихотворении 1951 г. «Белая береза» описал победоносную битву под Москвой как сражение за русскую березу: «И с той поры на все угрозы / Мы неизменно говорим: / Родную русскую березу / В обиду больше не дадим»[15].

Образ «фронтовой березы» в поэзии свидетелей войны, ее участников и современников, оказывается центральным, аккумулирующим различные коннотации — Родины в опасности; Родины, пострадавшей от жестокого врага; Родины, спасшей от смерти своего защитника, готового, в свою очередь, защитить ее ценой собственной жизни. Не случайно широкое распространение в стихах о войне получил образ «раненой березки», каноническим воплощением которого стало стихотворение «Стоит березка фронтовая» 1959 г. Автор этого поэтического текста — Александр Прокофьев, один из старейших советских поэтов-фронтовиков, член РКП(б) с 1919 г., участник Гражданской войны, чекист в 1920-е гг., военный корреспондент в 1940-е, функционер Союза советских писателей в 1940–1960-е. Березка у Прокофьева — не очевидец боя, а ветеран с ноющей застаревшей раной:

> Стоит березка фронтовая, / Ей не от солнца горячо, — / У ней ведь рана огневая: / Пробила пуля ей плечо! / Почти закрыта рана эта / Как бы припухшею корой… / Березка зеленью берета / Уже хвастнула пред сестрой. / Как северянка, речь заводит, / Все с переспросом: «Чо да чо?» / И только ноет к непогоде / С закрытой раною плечо![16]

Еще в одном стихотворении упоминавшегося выше автора Сергея Васильева (1951) у раненой осколком снаряда березы «студеный сок бежал, как слезы, по изувеченной коре»[17]. В стихотворении «Березки» (1953), написанном фронтовиком, поэтом-самоучкой Михаилом Селезневым, стонали березовые «ветки… от взрывов и огня…» и «с той поры остались на березках черные глубокие рубцы»[18]. Писатель и журналист из Бурятии Михаил Длуговский

14 *Кулмый Я.* То ли ветер в глаза, то ли слезы… (1942).
15 *Васильев С.* Белая береза (1951).
16 *Прокофьев А.* Стоит березка фронтовая… (1959).
17 *Васильев С.* Белая береза (1950).
18 *Селезнев М.* Березки (1953).

в стихотворении «Склонилась к речке старая береза» описывает фронтовое дерево «в рубцах и шрамах»[19]. Березу под Брянском на могиле трех партизан из стихотворения В. Кузнецова «Песнь старой березы» (1964) «незаживающие шрамы избороздили на века»[20]. А перед мысленным взором Иосифа Ржавского «стоит березка с шрамами на теле, листвой зеленой боль прикрыв свою»[21].

Как правило, береза в стихах фронтовиков получает рану от шального снаряда. Но иногда враг в ярости расстреливает ее прицельно, как в стихотворении Владимира Михалёва «Береза»:

> А ты стоишь в рубашке белой — / От пепелища в трех шагах. / В упор наведен парабеллум / Рукой жестокого врага. / И снова, снова режет выстрел / Тебя, упрямую, насквозь: / Метала ненависти искры / Нечеловеческая злость. / И я гляжу — мальчишка русый — / Никак поверить не могу. / Ты показалась слишком русской / Осатаневшему врагу[22].

В поэзии фронтовиков раненая береза не только символизирует Родину в смертельной опасности. Она принимает на себя удар, закрывая собой воина и таким способом спасая его. В процитированном выше стихотворении Кулмыя рассказывается о встрече бойца с березой, раненной одновременно с ним, принявшей на себя осколок, который, возможно, убил бы его: «Нас братала военная осень, / Мы родные, береза, с тобой — / Ведь недаром под сердцем мы носим / Два осколка от мины одной»[23].

Описания от первого лица боя, в котором береза заслоняет солдата от смерти, даются и авторами из поколения детей войны — как, например, в стихотворении Леонида Виноградова «Береза»: «Я бросился наземь. А пули: цви, цви!.. / И сердце в груди холодело. / И, кажется мне, захлебнулся б в крови, / Но спас меня ствол нежно-белый. / Упала без стона береза-солдат, / Но корни недаром пустила... / Там нынче березы другие шумят, / Вобрав ее гордую силу»[24].

---

19 *Длуговский М.* Склонилась к речке старая береза... (до 1979).
20 *Кузнецов В.* Песнь старой березы (1964).
21 *Ржавский И.* Березка (до 1981).
22 *Михалёв В.* Береза (до 1964).
23 *Кулмый Я.* То ли ветер в глаза, то ли слезы... (1942).
24 *Виноградов Л.* Береза (до 1997).

Встречаются поэтические тексты, в которых березка персонифицируется, наделяется автором способностью размышлять и вспоминать события прошлого. Не случайно поэт-песенник Михаил Рябинин из поколения детей войны назвал такую историю «Лесной былью»: «Железа вечный холод / Ей душу бередит, / Заржавленный осколок / В березкиной груди. / Она в бою жестоком / Солдата сберегла / И тем шальным осколком / Изранена была»[25].

Иногда спасенный солдат, словно в полубреду, представляет себе березку в качестве сиделки или медсестры. Один из ранних примеров использования такого образа находим в стихотворении военного корреспондента Василия Журавлева[26], датируемом 1944 г.: «Ранен я. И поседела / Голова. И кружит зной. / И березка, как сиделка, / Наклонилась надо мной. // Знать, глухую боль почуяв / Сердцем девичьем своим, / Наклонилась и врачует / Раны черные мои...»[27]

Образ березки-медсестры встречается и в 1960–1970-е гг., например в стихотворении Иосифа Ржавского: «А пули воздух резали и хлестко / Стегали почерневшую кору, / И, раненый, я стройную березку / В халате белом принял за сестру. // И словно подойдя ко мне поближе, / Она коснулась моего плеча. / Я, может, потому тогда и выжил, / Что белую березку повстречал»[28].

Иногда раненая береза чудесным образом врачует раненого солдата, как в цитированном выше произведении Михаила Селезнева: фронтовые товарищи объясняют излечившемуся герою: « — Ты бы злую смерть не пересилил, / Ты бы тяжких ран не перенес, / Если б мы тебя не напоили / Светлыми слезинками берез...»[29]

Раненые во время войны березы в стихотворении Валентины Потемкиной «Война прошла, но подвиг вечен» образуют целую армию, в почтении перед которой отступают люди, пришедшие срубить рощу, чтобы на ее месте проложить дорогу: «Застыли люди. Значит, скольких / Спасли березы, что в рубцах! / В стволах засели те осколки, / Что быть могли бы в них, бойцах»[30].

---

25 *Рябинин М.* Лесная быль (1971).

26 В. А. Журавлев прославился не столько своим творчеством, сколько скандальным случаем плагиата, когда он в 1965 г. от своего имени опубликовал стихи А. А. Ахматовой; см.: *Березин В.* Плагиатор // Rara Avis. URL: https://www.rara-rara.ru/menu-texts/plagiator (дата обращения: 07.09.2025).

27 *Журавлев В.* Ранен я... (1944).

28 *Ржавский И.* Березка (до 1981).

29 *Селезнев М.* Березки.

30 *Потемкина В.* Война прошла, но подвиг вечен... (до 1981).

От места траура к символу России

«Березка фронтовая» могла быть ранена или уничтожена врагом, но могла превратиться в место траура и памяти о героях и жертвах войны. Причем все эти образы и функции она могла выполнять одновременно, как в стихотворении «Береза» (1941) Анатолия Софронова, литератора, военного корреспондента, автора слов к знаменитой партизанской песне «Шумел сурово Брянский лес» и влиятельного литературного функционера в годы позднего сталинизма и на протяжении всего позднесоветского периода:

> Под березою был похоронен комбат. / Мы могилу травою укрыли. / В ствол березы ударил немецкий снаряд — / И береза упала к могиле. // И ветвями своими припала к траве, / Серебристой корою в накрапах, / И вершиной своею — к его голове, / Обращенной и в смерти на запад. // Так лежала она, прикрывая собой / Свежий холмик могильной земли, / И ее ни снаряды, ни вихрь огневой / Оторвать от него не могли[31].

Самая ранняя репрезентация (воображаемой) березы как траурного места памяти о погибшем на войне герое в советской поэзии принадлежит, видимо, Илье Эренбургу, который в 1936 г. написал стихотворение на смерть советского летчика во время Гражданской войны в Испании, похороненного в испанской деревушке:

> Под оливами могилу вырыв, / Положили на могиле камень. / На какой земле, товарищ, вырос? / Под какими плакал облаками? / И бойцы сутулились тоскливо, / Отвернувшись, сглатывали слезы. / Может быть, ему милей оливы / Простодушная печаль березы?[32]

В «Брасовских аллеях» (1945) поэта-фронтовика Николая Родичева березы становятся метафорой приспущенных в трауре знамен: «Так шумите, ветки, как знамена, / Опускаясь в скорби до земли. / Вспоминайте павших поименно, / Что до ваших арок не дошли»[33].

---

31 *Софронов А.* Береза (1941).
32 *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 219.
33 *Родичев Н.* Брасовские аллеи (1945).

В стихотворении «Ржев, город русский» калмыцкого литератора-любителя, участника Великой Отечественной войны Морхаджи Нармаева в переводе Василия Гришаева через четверть века после победы береза становится «часовым России над павшими в бою»[34]. А в стихотворении украинского поэта Леонида Топчего, пережившего немецкую оккупацию и сталинский лагерь, послевоенная береза превратилась в главное траурное дерево: «Ничего с березкой не случилось, / Лишь побольше выросла она / И склонила ветви над могилой, / Что когда-то вырыла война»[35].

Неудивительно, что образ траурного дерева нередко связан с ностальгией по Родине, поскольку береза представляется памятным местом вдали от родных мест. Мордовский профессиональный поэт Александр Малькин в стихотворении «Березка» (1965 г., перевод Валентина Ермакова) рассказывает о погибшем в самом конце войны парне из Рязани, похороненном «вдали от матушки-России». На его могиле товарищи перед возвращением домой посадили «березку русскую»: «Мы возвращались, кончив дело, / Дорогами своих побед. / С какой тоской тогда глядела / Березка наша нам вослед! / Ведь ей всю жизнь в чужой долине / Стоять у холмика того... / Уйти? Но как же на чужбине / Оставить парня одного!»[36]

Для Николая Агеева, автора стихотворения «В Трептов-парке белые березы», белоствольные березы, скорбящие, как вдовы над могилами, на территории самого крупного за пределами СССР мемориала памяти павших советских воинов, стали «частью России», частью ее души: «В Трептов-парке белые березы, / Словно вдовы русские, стоят / И роняют слезы / А не росы / На могилы братские солдат. / О березы! / Вас печаль России, / Вдовья неизбывная тоска / Сквозь ненастья, горем залитые, / Привела сюда издалека»[37].

Береза становится местом российско-советской памяти в Освенциме и Дахау[38]. Поэт-фронтовик Борис Слуцкий спустя

---

34 *Нармаев М.* Ржев, город российский (около 1970).

35 *Топчий Л.* Березка (1959).

36 *Малькин А.* Березка (1965).

37 *Агеев Н.* В Трептов-парке белые березы... (1966). О березах в Трептов-парке см. также: *Азаров В. Б.* Русские березы (1958); *Соколов-Уянец В.* Березка в Трептов-парке (1970); *Русаков Ю.* Березы в Берлине (1972).

38 См.: *Слуцкий Б. А.* Березка в Освенциме (1960); *Липкин С. И.* Памятное место (1967); *Вегин П.* Деревья Дахау (1968); *Татьяничева Л. К.* Березы Освенцима (1974); *Котов В.* Родные березы (до 1970).

пятнадцать лет после войны размышляет у стены бывшего лагеря смерти в Освенциме о грядущей собственной смерти и о том, что он предпочел бы, чтобы на его могиле росла именно береза: «Свидетелями смерти не возьму / Платан и дуб. И лавр мне ни к чему. / С меня достаточно березки»[39].

Поэты поколения детей войны воспели березу как место памяти о своих не вернувшихся с фронта отцах. Уральский литератор Юрий Гребеньков связывает воедино поле боя, березу и память об отце: «На той земле от стали жесткой / Шумят листвою деревца. / И среди них растет березка. / И сердце моего отца»[40].

Береза на Мамаевом кургане в стихотворении советского украинского писателя Владимира Демидова с программным названием «Российская березка» олицетворяет место памяти не только погибших защитников Сталинграда, среди которых был и его отец, а всех павших за советскую Родину:

> У той березки всем хватает места — / Живым и мертвым, что упали в пыль. / Обнял ее седой защитник Бреста, / А сын к щеке прижал его костыль. <...> // Ты и моя, березка, не устану / Стоять всю жизнь до самого конца / Лицом к тебе, к Мамаеву кургану, / К однополчанам моего отца[41].

«Фронтовая березка» под пером участников войны превращается в символ России — не ситуативный символ родного края в опасности, а в вечный атрибут земли Русской. Военный журналист и поэт-песенник Александр Ковалёнков в стихотворении «Оглядка» (1942) в разгар войны очищает образ подмосковной березы на берегу Истры от сиюминутных коннотаций, превращая ее из ориентира на поле боя в символ и защитницу всего самого родного, за что не жаль отдать жизнь:

> Она стоит как утвержденье, / Что жизнь моя — не наважденье, / Не грохот мрака и огня / В ночных лесах за Кандалакшей, / Где топчет торф и снег размякший / Войны чугунная ступня, // А неотступная защита / Тебя, чье имя не забыто, / Полей, где детство сказкой стало, / Где юность счастье разыскала, / Но не успела

39 *Слуцкий Б. А.* Березка в Освенциме.
40 *Гребеньков Ю.* Береза (1970).
41 *Демидов В.* Российская березка (1982).

рассмотреть / Людей, которые мне дали / Любовь, чтоб видеть эти дали, / За что не страшно умереть...[42]

Тридцатью годами позже мокшанский журналист, участник войны Яков Пинясов опоэтизировал березку как «часть России», которая, «белая, как будто медсестра», ожидала его с войны и тем спасла от смерти: «Сколько раз осколки били в каску, / Но живым я вышел из огня! / Верил я не в присказку, не в сказку, / А в березку, ждущую меня» (в переводе Пимена Панченко)[43].

Сергей Орлов воспринимает березу как «вечной жизни свет и торжество»[44], а Морхаджи Нармаев слышит в ее шуме «песнь России», а в ее кроне видит «России юность и красу», которая олицетворяет родное женское начало: «Она мне дочь, сестра, жена, / Она сильна, свежа, нежна. / Родился с нею я и рос, / Вся жизнь прошла среди берез»[45].

Украинский поэт Иван Светличный в стихотворении «Ты ее увидишь — и забьется сердце», объясняя, почему поток стихов о березе не иссякает, ссылается на память о войне, в которой над раненым бойцом «склонилась белая береза доброй милосердия сестрой»: «И во мне воскресли молодые силы, / Солнце засияло, засветлела высь! / Красота России, чистота России / В ней, в березе белой, на века сплелись»[46].

Не исключено, что в конечном счете символические характеристики — милосердие, защита, стойкость, воля к победе, — которыми наделяется береза авторами поэтических текстов и которые присутствуют практически во всех упомянутых стихах, и обусловили превращение березы в сознании фронтовика русского и нерусского происхождения — а затем и других поколений советских граждан — в славный символ Родины, победившей смертельного противника.

---

42 *Ковалёнков В.* Оглядка (1942).
43 *Пинясов Я.* Березка (1972).
44 *Орлов С.* Тонкая российская береза...
45 *Нармаев М. Б.* Ржев, город российский.
46 *Светличный И.* Ты ее увидишь — и забьется сердце... (1981).

«Белая береза»: символ Родины в прозе

Параллельно с формированием образа «фронтовой березки» в поэтических текстах развивался символический образ дерева и в прозаических произведениях. О березе — ориентире на поле боя, дереве, выстоявшем посреди ожесточенного сражения, — в 1942 и 1944 гг. писали такие известные авторы, как Михаил Шолохов и Иван Ефремов[47]. Но более известен другой пример, в котором образ березы был целенаправленно разработан как центральная символическая фигура объемного литературного произведения. В 1947 и 1952 гг. бывший фронтовой корреспондент Михаил Бубеннов издал военный роман «Белая береза», первая часть которого в 1948 г. была удостоена Сталинской премии первой степени[48]. Образы березы в произведении играют, по мнению автора, настолько важную роль, что определили его название. В романе березам отводятся преимущественно символические функции: через описания деревьев автор передает общую атмосферу, настроение героев, трансформацию их характеров. Березы выступают живыми свидетелями и участниками событий. Наконец, образ березы в произведении олицетворяет малую родину — родной, с детства до мелочей знакомый и обжитый уголок — и Родину большую — Россию и социалистическое Отечество.

В контексте ситуации, в которой оказываются персонажи романа, автор пишет о «любимых березах», «искалеченной березе», «неугасимом свете белых берез», «березах-сиротинках». В занятой немецкими войсками деревне «березы качали голыми ветвями устало и безнадежно»[49]. В роще, где остановились отступающие красноармейские части, «березки неторопливо раскладывали вокруг себя желтенькие листья-карты, будто гадали о своей судьбе»[50]. Во время отступления красноармейцы видели, как «березки да ольхи метались, ища защиты от смертного лесного сквозняка, — издали казалось, что они бегут долой с болота»[51]. Пленный

47 *Шолохов М. А.* Наука ненависти // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1986. С. 512–527; *Ефремов И. А.* Звездные корабли. Повесть // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1992. С. 311–380.

48 См.: *Бубеннов М.* Белая береза // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1981.

49 Там же. С. 126.

50 Там же. С. 177.

51 Там же. С. 188.

немецкий офицер, выглядывая в окно, видит, что «молоденькая березка, стоявшая в палисаднике, точно на посту, замахала на него голыми ветками»[52]. У советского монумента в Трептов-парке в 1949 г. «березкам-сиротинкам уже никогда не поднять своих плакучих ветвей в небо, никогда не расти ввысь — им вечно печалиться вместе с людьми»[53].

В романе есть эпизоды, в которых береза олицетворяет Родину. Так, в описании большого сражения под Москвой это дерево играет ключевую роль:

> Всюду по полю чернели груды металла, совсем недавно обладавшего могучей жизнью и силой, — от иных все еще струился желтоватый чад. И всюду на клочках поля, где остался снег, виднелись темные пятна трупов... А среди этого страшного поля, где целый день с неистовой силой бушевали огонь и железо, где все было попрано смертью, на небольшом голом пригорке, как и утром, стояла и тихо светилась в сумерках одинокая белая береза.
>
> — Стоит! — изумленно прошептал Андрей.
>
> И Андрею показалось необычайно значительным, полным глубокого смысла, что вот здесь, на открытом месте, в таком жестоком бою, как святая, выжила эта береза — красивое песенное дерево. Сама природа поставила ее здесь для украшения бедного в убранстве поля, и, значит, сама природа даровала ей бессмертие. И еще сильнее почувствовал Андрей то, что пришло к нему впервые в жизни. Но теперь он знал: это счастье победы. Он был счастлив, что стал солдатом, что вечером стоит на том же самом месте, где утром начал бой. Несколько секунд Андрей не отрывал от березы очарованного взгляда. Затем, тронув рукой край траншеи, будто клянясь самой земле, сказал с большим торжеством и ликованием в душе:
>
> — И будет стоять![54]

Через изменение восприятия Андреем одинокой березки в пространстве сражения писатель показывает перемену в главном герое, который не только видит в дереве другую, большую Родину, но и осознает свое предназначение — ее любить и защищать.

---

52 *Бубеннов М.* Белая береза. С. 200.
53 Там же. С. 539.
54 Там же. С. 275.

Критика благосклонно, если не сказать восторженно, приняла роман Михаила Бубеннова[55]. Большинство рецензентов книги и авторов обзоров современной литературы отмечали следование Бубеннова традициям народного творчества и талант в изображении пейзажа.

В отличие от единодушной в позитивной оценке романа критики, читатели встретили его по-разному. Актриса и художница Ольга Гильдебрандт-Арбенина 25 августа 1952 г. записала в своем дневнике:

> ...Какая сейчас неинтересная жизнь, несмотря на похвальбу! Безобразная живопись; даже мои талантливые москвичи посерели и иссякли — от страха и отсутствия своб[одного] времени. И какая скучная литература! «Белая береза», «Далеко от Москвы» и пр. — просто неудобоваримое чтиво. А кому-то нравится. Неглупая Наташа А. уже плачет! Галя умиляется на кинокартинах...
> ...В такое время не хочется жить[56].

А таксист, которому, согласно записи в дневнике Корнея Чуковского от 20 октября 1953 г., пьяный пассажир — Бубеннов — не только не заплатил за поездку, но и выбил зуб, не стал жаловаться, потому что был поклонником его романа[57]. «Белая береза» многими, видимо, действительно воспринималась как правдивый текст и увлекательное чтение.

---

55 См.: *Альтман И.* Поэзия правды // Правда. 1947. 25 августа. С. 3; *Субоцкий Л.* Заметки о прозе 1947 года // Новый мир. 1948. № 2. С. 108–123; *Барсук А., Ушков Н.* Роман Михаила Бубеннова «Белая береза» // Знамя. 1948. № 5. С. 181–184; *Шкерин М.* Поэма о новом человеке // Октябрь. 1948. № 5. С. 164–175; *Луканов Г., Белик А.* О творческом методе социалистической литературы // Октябрь. 1948. № 7. С. 177–191; *Гринберг И.* Критика и новая проза // Новый мир. 1948. № 9. С. 267–282; *Ковальчук Е.* Черты современной литературы // Новый мир. 1948. № 9. С. 225–248.

56 *Гильдебрандт-Арбенина О.* Девочка, катящая серсо... Мемуарные записи. Дневники. М., 2007. URL: https://royallib.com/read/nikolaevna_gildebrandtarbenina/devochka_katyashchaya_serso.html#860160 (дата обращения: 07.09.2025).

57 *Чуковский К. И.* Дневник 1930–1969. М., 1955. С. 205.

Образы березы в российской классической литературе и в проектах идентичности образованных россиян первой половины XX в.

Насколько позволительно, однако, говорить о том, что распространение образа «фронтовой березки» — результат работы только военных поэтов и публицистов? Примеры обращения советских граждан к березовому мотиву для выражения своего отношения к войне не позволяют с уверенностью констатировать, что эта практика — результат рецепции ими культурной продукции, распространявшейся советскими СМИ. Так, всего через три дня после начала войны не симпатизировавший советской власти Михаил Пришвин записал в дневник:

> Из Москвы вести: река женских слез. И скоро с фронта — река мужской крови. Расставаясь, плачут даже и молодые парни этими женскими слезами: прошибает мужа, и на время он становится женщиной, и в этот момент будущее геройское дело кажется маленьким. Уложил две перемены, ножик, вилку, ложку, еще кое-что, простился, глянул в последний раз на домик, на две березки, и эти березки пошли с ним и остались в сердце до смерти: в последний миг расставания с жизнью в несказанной красоте и доброте станут перед ним эти березки[58].

Размышления 68-летнего писателя невозможно рассматривать как парафраз на образ трех березок в стихотворении Симонова «Родина», в тот момент еще не опубликованного в общеизвестной версии. А в 1943 г. 23-летний военный летчик Михаил Маслов за полгода до собственной гибели записал в свой дневник: «Прошел добрый ливень. Природа дохнула свежим воздухом. Тихо. Пахнет сосной. А как там у нас сейчас дома? Как любил я эти смоляные запахи. Сосны и березы мне всегда видятся символом нашей Родины, моей дорогой незаменимой России. Ради нее ведем смертный бой»[59]. Маслов, по возрасту годившийся Пришвину во внуки, скорее был подвержен воздействию советской патриотической культуры. Но однозначно сказать, что его

58 *Пришвин М. М.* Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 494.

59 Дневник Михаила Маслова, запись от 7 июня 1943 г. // Центр «Прожито». URL: https://corpus.prozhito.org/person/2180 (дата обращения: 07.09.2025).

любовь к березкам воспитана фронтовыми СМИ, а не предвоенным домашним опытом, к которому он апеллирует в дневниковой записи, невозможно.

Однако вернемся к Пришвину. О критическом отношении писателя к советской пропаганде русской березки свидетельствует его реакция на публикацию в 1950 г. в журнале «Огонек» рассказа Бориса Емельянова о раненой «фронтовой березке»:

> Рассказ Емельянова в «Огоньке» страдает символикой, т. е. надуманным сравнением человека с природой в смысле comparaison n'est pas raison[60]. По-моему, если уж пришло в голову при виде березки, вытолкнувшей весенним соком из себя застрявший в древесине снаряд, — что так и человек и пр., то автору надо от этой символики освободиться. Впрочем, автор, увидев такую раненую березку, может прямо о ней и писать, не сравнивая с человеком. И такой «наивный реализм» был бы истинной милостью неба к художнику. <...>
> Емельянов к делу изучения жизни самой березки не приложил никакого труда. И это каждый может видеть, если представит себе живую раненую березу весенней порой. Из-под снаряда тогда по березе побежал бы сок, и он потом, сбегая по белому стволу, сделал бы его красным, как кровь. А когда сок вытеснил бы снаряд, и он упал бы, то вид березы такой вызвал бы в душе читателя такие догадки о человеке, о каких сам художник и не помышлял бы[61].

И стихотворная, и прозаическая репрезентация «фронтовой березы» могли быть ходульными и неубедительными, как в публикации Емельянова о раненой березе, вызвавшей раздражение Пришвина, а могли быть и оригинальными и трогательными, как в написанных в 1970-х и опубликованных в 1980-х рассказах Константина Ваншенкина[62] и Бориса Черных[63]. В первом случае сильное впечатление производит письмо на доске, прибитое к стволу могучей белой березы, оставленное солдатом рядом с разоренным войной, опустевшим родительским домом.

---

60 Сравнение не всегда корректно (*фр.*).

61 *Пришвин М. М.* Дневники. 1950–1951. СПб., 2016. С. 92–93.

62 См.: *Ваншенкин К. Я.* Рассказ о потерянном фотоальбоме // Графин с петухом. М., 1985. С. 455–456.

63 *Черных Б. И.* Гибель Титаника // Плач перепелки. М., 1988. С. 11–18.

Во втором читательское волнение вызывает история о березе, посаженной отцом накануне ухода на фронт, за которой ухаживает и с которой разговаривает его сын. Традиция поэтизации фронтовой березки в СССР сохранялась на протяжении десятилетий, поддерживая старые образы и рождая новые.

Отдельную большую проблему, достойную специального исследования, представляет вопрос о влиянии дореволюционной литературы на поэтизацию березы в советской культуре. Поэты XIX в. воспевали березку как примету русского унылого пейзажа и малой родины, как сочетание хрупкости и стойкости, печали и радости, траура и праздничности, как олицетворение девичьей чистоты и крестьянского долготерпения. Как писал М. П. Эпштейн, «несколько наиболее устойчивых образов, повторяющихся у многих поэтов, сложилось вокруг мотива березы: “береза-плач”, “береза-женщина”, “береза-Россия”»[64].

Однако среди прочих деревьев, опоэтизированных российской литературой и живописью XIX в., береза занимала достаточно скромные позиции. Стихов о березе за весь XIX в. было написано на порядок меньше, чем в 1940–1980-е гг.[65] В этой связи будет некорректно рассматривать русскую классику как «посредницу» в трансляции практики почитания березы — из крестьянского быта и фольклора в общество советских россиян. Многое говорит о том, что непрерывная традиция любви к березе как национальному символу России — современный, вернее, советский, миф[66]. Во всяком случае, классическая российская культура XIX в. не могла стать прочным звеном этого спорного, изобретенного порядка.

Вместе с тем многое свидетельствует о том, что некоторую роль в проекте идентичности литераторов и других образованных подданных поздней Российской империи и раннего Советского государства береза все же играла[67]. Так, А. П. Чехов в последний период своей жизни заботливо, хоть и безуспешно,

---

64 *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 5.

65 Подробнее об этом см.: *Нарский И., Нарская Н.* Русская березка: Очерки культурной истории одного национального символа. М., 2025.

66 Подробнее см.: там же; *Нарский И. В.* Вальс культурных слоев, через которые проросла русская березка // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 162–172.

67 Следующие примеры найдены с помощью сайтов Национального корпуса русского языка (URL: ruscorpora.ru) и Центра «Прожито» (URL: https://corpus.prozhito.org).

выращивал в крымском саду березку, напоминавшую ему северную природу[68]. В воспоминаниях младшей сестры Марины Цветаевой — Анастасии — возвращение в Россию в 1905 г. после трех лет жизни в Европе ассоциируется с увиденной при пересечении границы «первой плакучей березкой»[69]. Александр Блок в конце 1911 г. связывал переживание по поводу гибели «родной березы в дедовском саду» с определенным возрастом, в котором человек начинает ощущать боль за родное[70]. Год спустя 22-летняя Зинаида Мамонтова, будущая основоположница советской флористики, поведала дневнику о своей привязанности к березе как о признаке «русскости»:

> Вероятно, я «русская» в самом узком смысле слова. Все чужое, даже хорошее, мне чуждо, не понятно и никогда не захватывает. Чужой литературы, чужой живописи, поэзии не понимаю и не люблю. Художественные произведения Запада, литература таких гигантов, как Ибсен, Гамсун, Уайльд, все это мне совсем чуждо, мне душу не захватывает. Я с гораздо большем удовольствием буду разглядывать родную плакучую березу, чем прекрасный итальянский пейзаж. Я с жадностью глотаю каждое слово в пьесе Тургенева и равнодушно гляжу на большую пьесу «Пер-Гюнт». Первое — родное, второе — чужое и не могу я всей душой понять второе. Не умею[71].

Николай Гумилев летом 1917 г. в одном из стихотворений с иронией поминал «русские березы»[72], а Валерий Брюсов незадолго до смерти, в 1923 г., стихотворение «Родное» начинал с констатации, что «березка любая в губернии горько сгорблена грузом веков»[73], предвосхищая позднесоветские образы древней истории, запечатленной в «русском дереве». А еще тремя годами позже, 20 июня 1926 г., биограф Николая Гумилева и Анны Ахматовой записал в своем дневнике конспект разговора с Анной Андреевной,

68 См.: *Книппер-Чехова О. Л.* О А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 624–625.

69 См.: *Цветаева А. И.* Воспоминания. Изд. 3-е. М., 1983. С. 183.

70 См.: *Блок А. А.* Дневники // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1962. С. 104–105.

71 Дневник З. А. Мамонтовой (Хлыстовой) // Центр «Прожито». URL: https://corpus.prozhito.org/person/972 (дата обращения: 07.09.2025).

72 *Гумилев Н. С.* Мой альбом, где страсть сквозит без меры... // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1999. С. 150.

73 *Брюсов В. Я.* Родное // Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. М., 1974. С. 178.

в котором та высказала пожелание о смене интересов ее 13-летнего сына, будущего известного историософа Льва Гумилева: ей «хотелось бы, чтобы Лева нашел бы достойным своей фантазии предметы, его окружающие, и Россию. Чтобы не пираты, не древние греки фантастическими образами приходили к нему. Чтоб он мог найти фантастику в плакучей иве, в березе...»[74] Видимо, в первой трети XX в. намечалась тенденция к превращению пейзажа в круг ориентиров русской национальной идентичности, в многоголосой поддержке которой голос Есенина был важным, но не единственным.

Итак, путь березы от ориентира на поле боя до символа Родины был недолог. За несколько десятилетий 20–60-летние русские и нерусские мужчины-фронтовики, а также возмужавшие дети и подростки войны в поэзии и прозе, кино и живописи[75] создали образ «фронтовой березки». Это был многомерный, многослойный символ Родины в ситуации смертельной опасности. В нем мерцали образы юной дрожащей девушки, вдохновляющей на подвиг своей чистотой и беззащитностью; спасительницы, прикрывающей своим телом бойца от вражеских пуль, снарядов и мин; заботливой медсестры, спасающей жизни; матери и любимой, ждущих домой. «Фронтовая березка» обрела функции места траура и памяти, символа утрат и надежды на счастливое возвращение.

Береза стараниями деятелей культуры из поколений участников и свидетелей войны превратилась в кладовую смыслов, из которой по желанию и надобности можно было черпать дорогие и полезные образы. Фронтовики придали процессу превращения березы в «русское дерево» новый, небывалый импульс.

---

74 *Лукницкий П. Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 3 т. Т. 2. Paris, 1991 (цит. по: Центр «Прожито». URL: https://corpus.prozhito.org/person/856 (дата обращения: 07.09.2025).

75 Об образе «фронтовой березки» в кино и живописи см.: *Нарский И., Нарская Н.* Русская березка.

Литература

Брагинский Н. В. Хотят ли русские войны? Советские «песни в борьбе за мир»: Национальность как анахронизм // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/hotyat-li-russkie-vojny-sovetskie-pesni-v-borbe-za-mir-naczionalnost-kak-anahronizm.html (дата обращения: 07.09.2025).

Нарский И. В. Вальс культурных слоев, через которые проросла русская березка // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 162–172.

Нарский И., Нарская Н. Русская березка: Очерки культурной истории одного национального символа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 600 с.

Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

References

Braginskij N. V. Khotiat li russkie vojny? Sovetskie "pesni v bor'be za miR": Natsional'nost' kak anakhronizm // Neprikosnovennyj zapas. 2011. № 4 (78). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/hotyat-li-russkie-vojny-sovetskie-pesni-v-borbe-za-mir-naczionalnost-kak-anahronizm.html (data obrashcheniia: 07.09.2025). In Russian.

Narskii I. V. Val's kul'turnykh sloev, cherez kotorye prorosla russkaia berezka // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia. 2024. № 1 (64). S. 162–172. In Russian.

Narskii I., Narskaya N. Russkaia berezka: Ocherki kul'turnoj istorii odnogo natsional'nogo simvola. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. 600 s. In Russian.

Ehpshtejn M. N. "Priroda, mir, tajnik vselennoj...": Sistema pejzazhnykh obrazov v russkoj poehzii. M.: Vysshaia shkola, 1990. 303 s. In Russian.

Статья поступила в редакцию: 30 мая 2025 г.
Рекомендована к печати: 3 сентября 2025 г.
Received: May 30, 2025
Accepted: September 3, 2025